

Сергей Феликсович Черняховский — доктор политических наук, профессор, действительный член Академии политических наук

Империя как запрос

Империи не исчезают

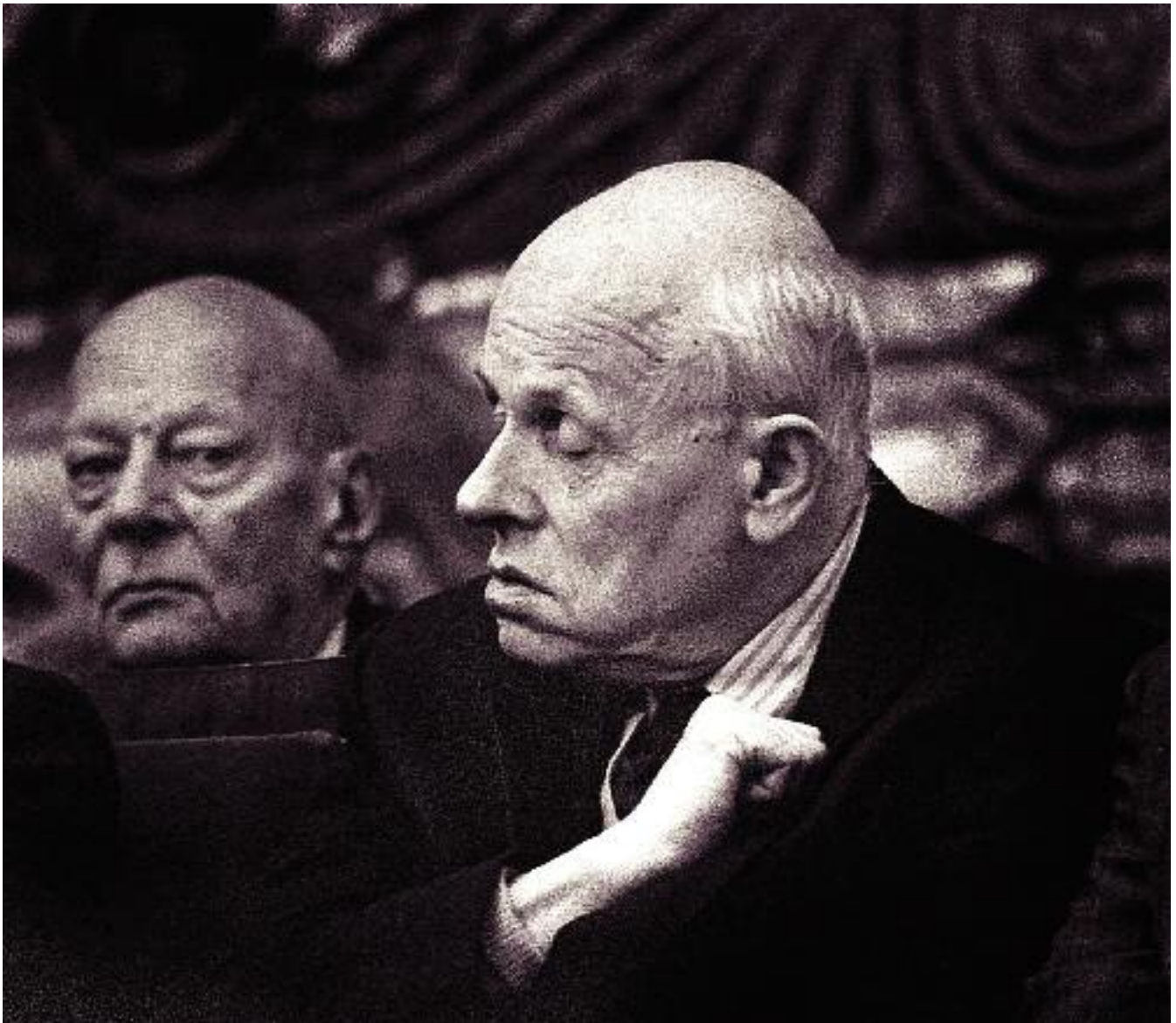
Четверть века назад, когда набирали силу процессы раздела СССР, одним из доводов тех политических сил, которые по странному стечению обстоятельств приняли самоназвание «демократов» и выступали против любых попыток сохранения страны, была странная сентенция: «Все империи распались. Советский Союз — империя. Поэтому он должен распасться тоже». Являясь по форме вполне логичным умозаключением, эта сентенция, с одной стороны, была откровенно ложной, с другой — некорректной.

Она была ложной, поскольку империи на деле не исчезают, за исключением отдельных недолговременных образований, созданных исключительно стечением конъюнктурных обстоятельств и субъективной воли. Империи как историческое образование возникают не в силу желания тех или иных политических акторов, а по причине существования в геополитическом пространстве

зон, для которых форма империи — наиболее оптимальная. Падение образованной на этом пространстве одной империи является лишь прологом к образованию другой — с иными властными субъектами и иными несущими этносами, но с выполнением прежней функции: политически объединить экономически и исторически тяготеющую к единству многонациональную и поликультурную территорию. Сентенция была некорректной в двух отношениях.

Во-первых, постольку-поскольку во все не все империи распались: Соединенные Штаты и тогда, и сегодня предельно далеки от распада, хотя, по сути, тоже являются империей. Для убедительности выдвигаемой сентенции надо было, как минимум, дожидаться их распада, а затем звать к разделу Российско-Советской империи.

Во-вторых, она была некорректной точно так же, как некорректно утвер-

ждение: «Все люди смертны. Мы — люди. Поэтому срочно надо повеситься». Все в мире конечно, но это не основание стремиться ускорить этот конец.

Практически вся европейская история Древнего мира — это борьба за имперское объединение двух соприкасавшихся зон обширного ближневосточного пространства восточнее Средиземного моря и зоны, прибрежной ему. Борьба, обусловленная соединением двух факторов: полиэтнического характера населявших это пространство народов и единства торговых путей, важнейшим из которых было само Средиземное море.

В какой-то момент это привело к образованию недолговечной империи Александра

Четверть века назад одним из доводов тех политических сил, которые приняли самоназвание «демократов» и выступали против сохранения страны, была странная сентенция: «Все империи распались. Советский Союз — империя. Поэтому он должен распасться тоже».

Македонского — недолговечной потому, что она вышла далеко на восток за это пространство. Распад этой империи был лишь прологом к началу борьбы за объединение пространства, тяготевшего к объединению, что выразилось сначала в создании Римской империи, а потом — уже в Средние века и Новое время — в борьбе на пространстве ее культурного и экономического наследия.

Восточная часть Римской империи оформилась сначала в Византийскую империю, по-

том — в Османскую империю. Последняя распалась лишь менее ста лет назад. На месте ее возникла зона постоянных конфликтов и войн.

На территории Западной Римской империи на протяжении всей истории не прекращаются попытки создать ее преемницу. Сначала на это претендовала империя Карла Великого, затем — Священная Римская империя германской нации, империя Наполеона, рейх Гитлера. Сегодня та же самая тенденция в предельно обновленных формах постави-

Практически вся европейская история Древнего мира – это борьба за имперское объединение двух соприкасавшихся зон обширного ближневосточного пространства восточнее Средиземного моря и зоны, прибрежной ему.

ла вопрос об «объединенной Европе».

Что вообще такое – империя, если отвлечься от стереотипного восприятия конца 1980-х, гласившего, что «империя – это что-то плохое»?

Это государственно-политическое устройство, обладающее шестью характерными чертами:

- ♦ обширной территориальной основой;
- ♦ сильно централизованной властью;
- ♦ стремлением элит к экспансии;
- ♦ асимметричными отношениями господства и подчинения между центром и периферией;

♦ наличием общего политического проекта;

♦ разнородным этническим, культурным и национальным составом.

Исследователь феномена империи Самуэль Эйзенштадт писал: «Основная характеристика, как видно из латинского слова “империум”, состоит в наличии относительно концентрированных власти и правительства, расположенных в относительно сильном центре, который распространяет свою власть на широкое территориальное окружение». При всем многообразии видов империй, представленных в истории, можно выделить два основных типа – в

зависимости от третьей из названных Эйзенштадтом характеристик: стремления элит к экспансии. Империя-1 – это империя, где экспансия носит характер стремления к завоеванию, имеющему целью обеспечение существования метрополии за счет провинций. Империя-2 – это империя, где экспансия (в ее не ругательном, а содержательном смысле) носит характер утверждения своего миропроекта. В современном мире вообще нельзя быть ведущей державой, не имея собственного миропроекта, не предлагая свой вариант видения истории и политического существования.

Россия всегда существовала в первую очередь как империя второго рода. Даже само оформление русской нации являлось не этнической самоидентификацией, а смы-

словой. Сначала в основе лежала православная религия, выступившая и смысловым, и экономическим объединителем страны: Церковь имела хозяйства и монастыри на всем пространстве русских княжеств, была кровно заинтересована в их единстве и сыграла великую историческую роль в объединении России. Начиная с XVI–XVIII веков, с выходом России за собственно славянские и исторически православные пределы, на место сугубо православного проекта пришел проект империи как «мира миров». Но и в это время основой идентификации «русские» был не этнический компонент (с этнической точки зрения, «русские» — это своеобразно интегрированные представители целого ряда этносов), а компонент смысловой. Иноземец, будь он хоть арап, приняв православие, становился русским. Русский, приняв иную веру, обращался в «басурманина». С исчерпанием этого проекта к концу XIX века роль смысловой сетки, удерживавшей историческое пространство страны, перешла к коммунистической идеологии. Кризис последней обернулся распадом страны.

При этом редко вспоминается, что к разделу Союза привели не столько «национальные движения на окраинах», которые во многом были спровоцированы борьбой в центральной элите, и не пресловутые «космополиты», а вполне «патриотичные» фракции элиты, сначала отрешившиеся от сюзеренитета над восточноевропейскими союзниками, а затем — и от союзных республик. Все это делалось именно под идею «русского национального государства». Предполагалось, что в таком государстве остальные республики из формально равноправных членов федерации превратятся в неокolonии, перед кото-

Самуэль Эйзенштадт:

«Основная характеристика, как видно из латинского слова “империум”, состоит в наличии относительно концентрированных власти и правительства, расположенных в относительно сильном центре, который распространяет свою власть на широкое территориальное окружение».

рыми Россия не несет ответственности, но которые будут поставлять ей дешевую рабочую силу. На деле это обернулось не образованием сателлитов нового типа, «жадной толпой» стоящих у подножия «патриотического русского национального» трона, а стремлением последних самостоятельно пробиться под покровительство других мировых центров силы. Хотя бы потому, что «продаться» последним было выгоднее, нежели слабой и дезорганизованной Российской Федерации.

Раздел Советской империи привел не к торжеству «русского национального начала», а к его невиданному унижению — как в силу того, что на «самоопределившихся» территориях остались десятки миллионов русских, так и потому, что сама Россия только проиграла от потери своих реально исторических территорий.

Можно сколько угодно иронизировать над действительно не вполне корректным понятием «новая историческая общность — многонациональный советский народ». Но при всей неточности этого эффе-мизма поздней советской идеологии в нем была схвачена некая реальность: образование новой нации, советской нации. Не в смысле нации сторонников советской власти, а в смысле нации, идентифицирующей себя с пространством СССР. Нации, имеющей общую историю, общее государство, преимущественно говорящей на русском советском языке (советском — в том смысле, что это был уже во многом новый язык по сравнению с русским языком XIX века), имеющей общее экономическое пространство. Оставшаяся после раздела «большой империи» Российская Федерация, конечно, стала не национальным госу-

Православная религия выступила и смысловым, и экономическим объединителем страны: Церковь имела хозяйства и монастыри на всем пространстве русских княжеств, была кровно заинтересована в их единстве и сыграла великую историческую роль в объединении России.

дарством, а «малой империей», которую Путин точно определил как «сохраненное ядро территории Советского Союза».

В разговоре о национальном государстве все время упускается из вида и то, что нации разнятся по своему генезису и делятся на моноэтнические, как французы, немцы и т.д., и полиэтнические, как американцы и собственно русские. Утверждение, что по данным последней переписи в качестве русских себя заявили более 80 процентов населения РФ, заведомо игнорирует два факта. **Во-первых**, что в ходе самой переписи шло определенное

подталкивание колеблющихся представителей разных наций к тому, чтобы они дали согласие записать себя как русских. **Во-вторых**, что значительная часть представителей смешанных этносов заявляла о себе как о русских, затрудняясь отдать предпочтение в выборе между несколькими национальностями своего старшего поколения. То есть их самоидентификация как русских означала на самом деле российских. То есть наследников той новой нации, которая образовывалась в СССР. В том же смысле, в каком за границей во времена Союза как русского определяли и грузина, и

туркмена. Или как в нынешнем Израиле, где еврея из любой республики СССР по-прежнему считают русским. Русский народ всегда был не нацией, а имперским гиперэтносом, народом, который скреплял империю, был носителем имперскости как некоей идеи «единства народов в открытой истине». Лишить его этого имперского начала — значит лишить строящей его самосознание претензии на поиск «высшей истины» и обладание ей.

Вообще что значит — переделывать империю в национальное государство? Это может подразумевать интеграцию всех народов империи в единую союзную имперскую нацию по тому образцу, по которому образовывалась союзная советская нация. Это именно путь российскости как интегрирующего начала. Однако такой

Кадр из фильма «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» режиссёра Александра Митты. 1976

путь затруднен как тем, что для него требуется воссоединение в едином государстве ныне разделенных народов СССР, так и тем, что для него требуется смысловое объединяющее начало, «наднациональная идея», которой сегодня Россия лишена. То есть собственный миропроjekt, который она могла бы предъявить миру, как предъявляют его остальные ведущие страны.

Если не принимать этот путь, то для создания национального государства остаются еще два.

Первый, по которому пошли турки, высвобождаясь от наследия Османской империи: каждому, кто не был готов признать себя турком, они просто перерезали горло, как это было с армянами, курдами и многими другими. Турция, конечно, почти состоялась как национальное государство, но она, с одной стороны, до сих пор не может решить курд-

Начиная с XVI–XVIII веков, с выходом России за собственно славянские и исторически православные пределы, на место сугубо православного проекта пришел проект империи как «мира миров». Иноземец, будь он хоть арап, приняв православие, становился русским.

скую проблему, с другой — сохранила лишь ничтожную часть территории Османской империи.

Второй, пропагандируемый русскими «уменьшительными националистами», — выделить из РФ «исторически русские земли», образовать некую «Республику Русь» и вслед за независимостью от республик Союза провозгласить независимость от Кавказа, Поволжья, а в конечном счете — и от Сибири.

Пример Франции или Германии с их огромными иноэтническими меньшинствами здесь абсолютно не работает, поскольку эти страны сначала образовались как националь-

ные моноэтнические государства, а потом уже допустили в состав своих граждан представителей других народов. И, кстати, сегодня не вполне понимают, что с этим делать. Нельзя провозгласить государство одного народа, а потом автоматически дать в нем равные права представителям других народов — никакого реального равноправия не получится.

Идея же: «Хочешь зваться татарин и жить в Казани — пожалуйста, хочешь зваться русским и жить в Москве — пожалуйста», — на деле обернется в Москве лозунгом «Чемодан — вокзал — Казань», а в Казани соответственно — «Че-

К разделу Союза привели не столько «национальные движения на окраинах» и не пресловутые «космополиты», а вполне «патриотичные» фракции элиты, сначала отрেকшиеся от сюзеренитета над восточноевропейскими союзниками, а затем — и от союзных республик.

модан — вокзал — Москва». А затем, как минимум, отделением Татарстана от России.

Это — как минимум. Потому что для, скажем, тюркских народов быстро встанет вопрос не только о том, зачем тюркам жить в русском национальном государстве, но и о том, почему бы им не жить в этнически едином Туране, охватывающем и Турцию, и Кавказ, и Поволжье.

Да и вообще трудно придумать более издевательский парадокс, нежели призыв к созданию национального государства исторических имперцев. В лучшем случае — это нечто вроде существующего ныне государства Мальтийского ордена. Государства, не

имеющего собственной территории. В худшем — подобие Византийской империи накануне османского завоевания, когда она практически ограничивалась окрестностями Константинополя.

И здесь мы получаем реализацию того, о чем речь шла несколько выше: империи не исчезают, на том месте, где раньше была одна империя, всегда возникает другая империя. И те, которые хотят избавить Россию от «имперского бремени», на деле получают не «русское национальное государство», а, к примеру, Великую туранскую империю. Альтернатива Четвертому Риму — не «Республика Русь», а Вторая Орда, в которой уже рус-

ским придется просить для себя равноправия. И либо они, в лучшем случае, станут младшим братом в новой империи, либо им вообще не найдется в ней места, как не нашлось его для русского населения в независимой Ичкерии. Это не устрашающие фантазии, а реально существующие планы определенных субъектных групп мировой политики. То есть **первый** основной стратегический результат, который будет достигнут в итоге реализации планов авторов «русского национального государства», — это переуступка русскими пространства своей империи иному политическому субъекту и повторение судьбы византийцев в Османской империи.

Второй (а, может быть, и первый) основной стратегический результат — это не только лишение русского народа его исторической субъектности, выражающейся в особом

характере образовавшего его мессианства, но и окончательный отказ от претензии на обладание собственным историческим цивилизационным проектом — претензии, которая идентифицировала его на протяжении нескольких столетий.

Так получилось, что русская национальная самоидентификация, в отличие от западноевропейской, имела не этнический, а смысловой характер. И отказ от имперской (не в смысле завоевательной, а в смысле проектно-смысловой) организации в пользу «русского национального государства» — это в каком-то смысле отказ от самой сущности русской самоидентификации, от самой исторической роли русских.

Погубившие Рим

Когда сегодня националисты и имперцы противопоставляют друг другу собственные идеалы государственной организации, они, пожалуй, лишь интуитивно ощущают всю глубину их взаимной правоты. Не в своем положительном или отрицательном отношении к таким историческим типам государственных систем, как национальное государство или империя, а в понимании того, что, за некими исключениями, уж либо одно, либо другое.

Тех, которые этот тезис оспаривают, можно понять. Они надеются, объявив, что эти два типа друг другу не противоречат, снять спор между, как им кажется, родственными проектами.

Можно, конечно, через те или иные логические переходы показать, что национальное государство и империя имеют нечто общее. И потому объявить их различия несущественными и несуществующими. Почти как на том основании, что в Советском Союзе и гитлеровской Германии

Борис Ольшанский. Слово о полку Игореве. 1993

Русский народ всегда был не нацией, а имперским гиперэтностом, который был носителем имперскости как идеи «единства народов в открытой истине». Лишить его этого начала — значит лишить строящей его самосознание претензии на поиск «высшей истины» и обладание ей.

имелось по одной партии, одному вождю и одной идеологии, объявить их родственным явлением, объединяемым публицистической и бессодержательной категорией «тоталитаризм».

Сравнение национального государства и империи — интересная тема, но тема все же отдельная, и хотелось бы в данном случае, не углубляясь в нее, ограничиться двумя замечаниями.

Во-первых, сами по себе — это лишь слова. Слова, используемые для различения двух типов государственных образований. Одного — относительно более однородного в национальном плане, другого — значительно более разнородного. Тут много разных нюансов, касающихся и того, как мы понимаем саму нацию. Отдельная тема — сами основания идентификации нации. А это уже нечто иное, касаю-

Пьетро да Кортона. Нахождение Ромула и Рема Фаустулом. 1643

Рим погубили те, которые его создали – римляне и итальянцы. То есть «основной народ» Римской империи. Можно было бы сказать «титовская нация», если бы все-таки научный подход не исходил из того, что нации возникают лишь со складыванием национальных рынков.

шееся приоритета языкового или смыслового начала (западноевропейские или русская нации), типа этничности и т.д. Но как же этого не понимать: в зависимости от того, «много» таких образований будет в государстве или «одно», мы будем иметь два очень разных явления.

Во-вторых, многое зависит от того, имеем мы дело с империей-1 или с империей-2. В од-

ном случае речь идет о государстве со сложным составом населения, объединенного силой оружия для обеспечения процветания «главного народа». В другом — о столь же сложном образовании, объединенном проектом, то есть общим принимаемым видением мироустройства.

Не только образование, но и распад этих разных типов происходит по-разному, име-

ет разные перспективы и предопределяет разную судьбу разошедшихся народов. Кстати, в первом случае распад может быть и относительно безболезненным. Во втором же он рискует оказаться катастрофой не только самого проекта, но и принимавших его народов. Причем в первую очередь того народа, который выступал имперскообразующим.

Обратимся теперь к погубившим Рим.

Понятно, что общепринятых трактовок достаточно: Рим погубило его собственное разложение, Рим погубили варвары, Рим погубило христиан-

ство. Все эти трактовки в чем-то так или иначе верны, а в чем-то недостаточны.

Но есть и еще один аспект, непосредственно примыкающий к спорам между националистами и имперцами.

Он заключается в том, что Рим погубили те, которые его создали — римляне и итальянцы. То есть «основной народ» Римской империи. Можно было бы сказать «титовская нация», если бы все-таки научный подход не исходил из того, что нации возникают лишь со складыванием национальных рынков, то есть в эпоху зарождения и развития капитализма. А в рассматриваемое время их все же еще не было — были лишь этносы и народности. Условно — народы.

Созданный сначала римлянами, а затем другими итальянцами (населением будущей Италии), Рим как империя уже, как минимум, с конца первого века нашей эры во многом обеспечивал свои военные и государственные нужды (в плане рабочей силы это, понятно, было и раньше) за счет не столько итальянцев, сколько народов провинций. Императоры, приводимые к власти легионами на периферии, уже не всегда имели собственно римское происхождение.

К пятому веку более или менее сохранявшие энергетику народы оказались в Восточной империи. Военную силу Западной империи составляли либо варвары-наемники, либо варвары-союзники. Все оставшиеся десятилетия до падения Римской империи ее история — в основном борьба между собой варварских военачальников. Само падение Рима в 476 году — это попытка варваров спасти империю, объединив ее под одним скипетром Константинополя. Императоры должным образом не оценили услугу Одоакра и в итоге передали королевский престол в Равенне Теодориху.

И вот тут началось то, что можно в известном смысле считать многовековой борьбой за восстановление Римской империи — борьбой, в которой принявшие римскую империю — на тот момент христианскую — идею варварские неиталийские народы пытались империю возродить, а итальянцы и римляне в основном занимались тем, что мешали.

Сначала это еще не принимало отчетливых очертаний.

Готы Теодориха дали Риму передышку. Они вообще во многом видели себя «стражами империи» и оберегали спокойное существование ее остатков, их хозяйство и культуру. Сложись все немного по-другому — кто знает, может быть, Италия не пришла бы в упадок, а Западная Римская империя просуществовала бы не меньше Восточной.

Но на беду Рима и Италии, начавшей приподниматься на заре шестого века, претендентов на роль спасителей Рима оказалось двое. Христианские православные армии Юстиниана и христианские же арианские армии готов гонялись друг за другом по Италии, во имя возрождения которой они вытапывали ее поля и добывали ее культуру.

Роль самих итальянцев в этом деле вообще оказалась минимальной, и они испуганно шарахались от одного спасителя к другому.

Готы уступили, Юстиниан почти восстановил империю, но скоро Константинополю оказалось не до Рима. И Италия вновь переменила хозяина, доставшись лангобардам. Древнюю страну опять принял в свои объятия новый молодой народ, оказавшийся не очень амбициозным и не пытавшийся превратить свое господство в цивилизационное спасение. Некоторое время Италия отдыхала от имперской судьбы. Ровно до тех пор, пока ее ре-

лигиозное и культурное влияние не загло своим огнем другие народы, потянувшиеся к цивилизации. И с середины восьмого века борьба за возрождение империи интенсифицировалась и стала перманентной.

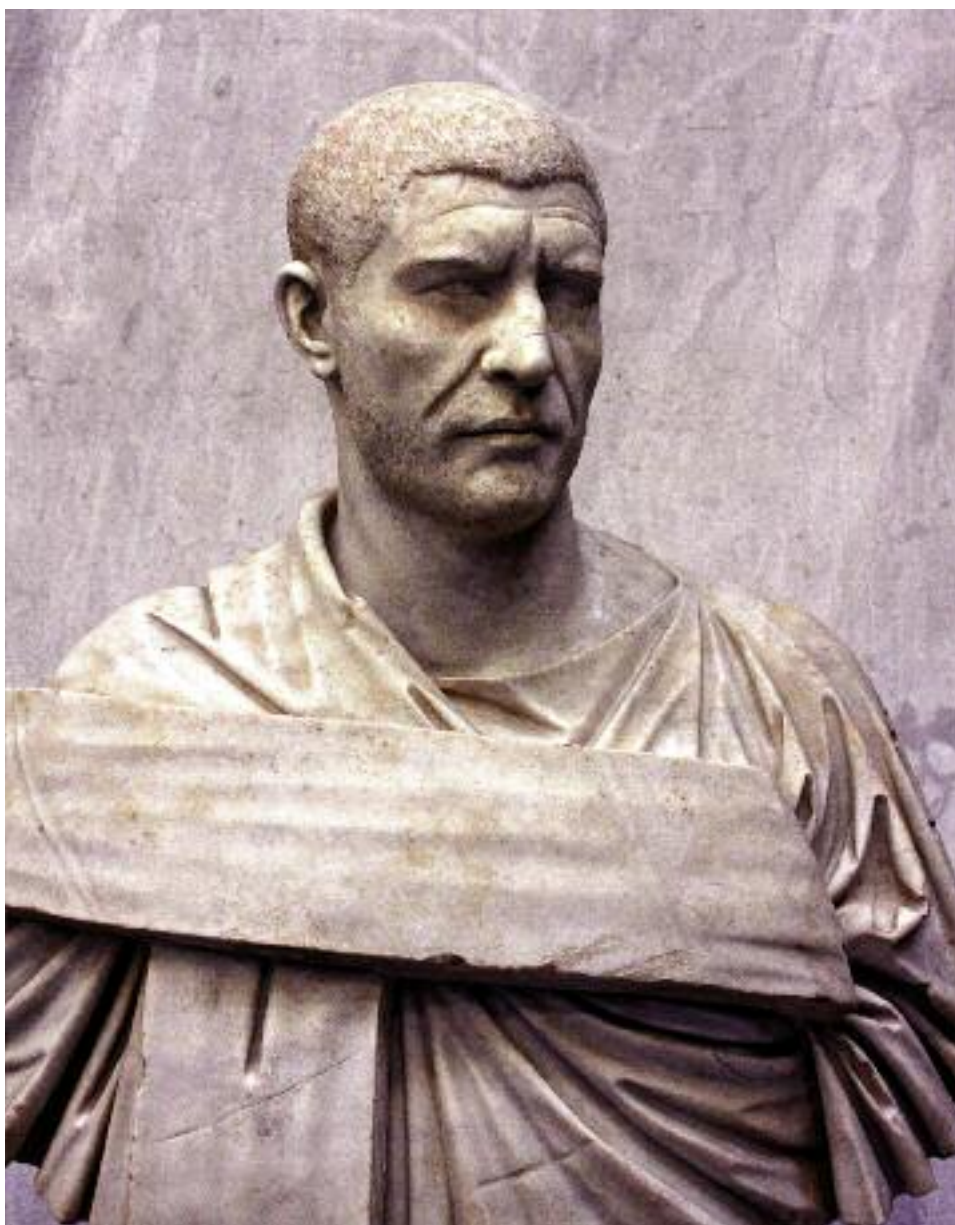
Первыми ее восстановили уже вполне романизированные франки Карла Великого. Но тут выяснилось, что меньше всего империя нужна не покоренным народам, а именно главному народу — итальянцам. Хотя они составляли основное население имперских земель, выполнять свою миссию «держателей» они не собирались и за империю сражаться не хотели. Как только короли двух составных частей империи Карла — Франции и Германии — отобрали у брата-императора полосу земель, выходивших за пределы собственно Италии и доходивших до Фландрии, оказалось, что императоры не в состоянии противостоять ни собственным феодалам, ни соседям. Итальянцы «устали» — и ни за что не хотели воевать. Кроме того, они стремились к тому, чтобы их никто не трогал.

С тех пор все имперские усилия народов, претендовавших на то, чтобы нести факел Рима, так или иначе разбивались о сопротивление народов Италии. Последние в течение следующей тысячи лет не только всячески сопротивлялись возрождению империи, но и не смогли составить уже даже единое национальное государство, пока не настало время, когда вне подобной формы стало просто невозможно существовать.

Но факел-то горел, светил, идея жила — и один за другим народы Европы воспринимали этот свет и загорались этой идеей. В 962 году империю вновь восстановили саксы (немцы) при Оттоне I.

После нового упадка императорской власти — с утратой

Император Филипп Аравитянин

Рим как империя уже с конца первого века нашей эры во многом обеспечивал свои военные и государственные нужды за счет не столько итальянцев, сколько народов провинций. Императоры, приводимые к власти легионами на периферии, уже не всегда имели римское происхождение.

доминирующего положения саксов — ко второй половине следующего века эстафета перешла к франконцам. Еще через шаг на первый план вышли швабы и правившие ими Гогенштауфены. С падением Гогенштауфенов — падением, вызванным во многом тем, что их новой опорой стали южные итальянцы, несумевшие оказать им полноценной помощи, — империя вновь

пришла в упадок. Последнее длительное возрождение идея пережила при Габсбургах. Конечно, их империя была уже не слишком похожей на собственно империю Рима, но огонь продолжал гореть почти до XIX века. И чем дальше, тем больше против империи боролись именно те, которые некогда разожгли это пламя. Нечто похожее можно видеть и на примере отношений раз-

ных народов Восточной империи.

Разница во многом заключалась в том, что западному христианству удавалось вновь и вновь переносить имперское пламя на новые народы, из которых многие в некоей исторической очереди перенимали эстафету имперского строительства. Восточное христианство шаг за шагом теряло народы, подпадавшие под его влияние. Первое побеждало одну за другой иные веры в Европе и на других концах света — второе все время сокращало зону своего влияния, проигрывая то одной иной вере, то другой.

Если оно как-то и уцелело, то только за счет Руси, разжегшей затухавший византийский костер в новый огонь и создавшей новую империю. Но кто на протяжении всей тысячи лет попыток возродить Западную Римскую империю постоянно боролся против этих попыток? Отчасти постоянно зажигавший этот огонь — равно как и постоянно пугавшийся его — католицизм. Но постоянно и регулярно — именно тот самый народ, который произвел некогда эту идею, который зажег этот огонь — итальянцы (итальянцы).

И даже когда они предприняли попытку создать свою новую империю в 20—40-е годы XX века, у них ничего путного не получилось.

Очевидно, империя — в понимании империи как особого проекта, особого типа цивилизации — может существовать лишь как огонь, в который включаются все новые и новые народы — не столько в смысле увеличения их количества (хотя и это важно), сколько в смысле их появления, поддержки имперского существования новыми составляющими.

В этом смысле можно идентифицировать три типа национализма.

Первый — молодой, имперскообразующий. Возвышающий свою страну и своей энергией вовлекающий в имперского строительства соседей, возможно, имеющих недостаток такой энергии.

Второй — господствующий. Возвысившийся, господствующий, но сохраняющий только ту часть энергии, которая позволяет господствовать и присваивать чужую энергию, что рождает стремление иных народов освободиться от подобного господства.

Третий — умирающий. Он уже не имеет энергии, как итальянцы или византийцы. А ту, которую имеет, расходует на противостояние новой энергии, направленной на поддержание затухающего костра. Он способен лишь на то, чтобы, с одной стороны, погубить империю, а с другой — под видом борьбы за национальное государство (то есть иную фазу иного историко-этнического существования) разрушить свое собственное государство и превратить его в радующий взгляд иноземных путешественников заповедник вымирающего народа.

Разумеется, в данном случае слово «национализм» используется не в его научном значении конкретной политической идеологии, признающей свою нацию высшей ценностью в сравнении и с отдельными ее членами, и с другими народами, или в значении известного типа политической тенденции, а в смысле определенного типа тенденции самоощущения. Самоощущения, перетекающего в некую государственную определенность.

Отсюда возникают три предположения.

Первое: в прошлом империи (идентифицируемые проектно-цивилизационные ареалы) могли существовать лишь за счет вовлечения в свою энергию иных народов и под-

Мавзолей Теодориха в Равенне

Готы Теодориха дали Риму передышку. Они вообще во многом видели себя «стражами империи». Сложись все немного по-другому — кто знает, может быть, Италия не пришла бы в упадок, а Западная Римская империя просуществовала бы не меньше Восточной.

питки их энергией, то есть исключительно экстенсивным путем.

Второе: развитие культуры и цивилизации требует создания такого типа имперского механизма, при котором энергия не уменьшается в процессе своего цивилизационного использования и не требует постоянного пополнения, а увеличивается и вовлекает в свое «горение» новые народы и культуры. И происходит это при общем увеличении количества высвобождаемой энер-

гии и ее самовоспроизводстве. То есть центральный вопрос здесь — вопрос механизма воспроизводства энергии империи.

Третье: народы (этноты, нации — в данном случае неважно, хотя тут будут свои особенности), достигшие третьей стадии национализма, то есть включившиеся в борьбу против империи, могут подвергнуться двум воздействиям. Либо — в случае решения задачи самовоспроизводства имперской энергии — омоложе-

Последнее возрождение идея империи пережила при Габсбургах. Конечно, их империя была уже не слишком похожей на империю Рима, но огонь продолжал гореть почти до XIX века. И чем дальше, тем больше против империи боролись именно те, которые некогда разожгли это пламя.

нию такой энергией. Либо организованному противодействию имперских элементов. Такими элементами могут быть и те народы, которые включены в имперский процесс, но находятся на более ранней стадии развития.

Если бы, скажем, на рубеже пятого и шестого веков Теодорих менее бережно относился к итальянскому населению и не организовал практически изолированное проживание готов отдельно от итальянцев, а либо изгнал итальянцев, либо сумел смешать и ассимилировать их с готами, то Западную Римскую империю действительно удалось бы возродить на деле. Ведь впоследствии именно итальянцы срывали все попытки новых цивилизованных ими же народов возродить их же державу.

Конечно, все это в известной мере является предположением.

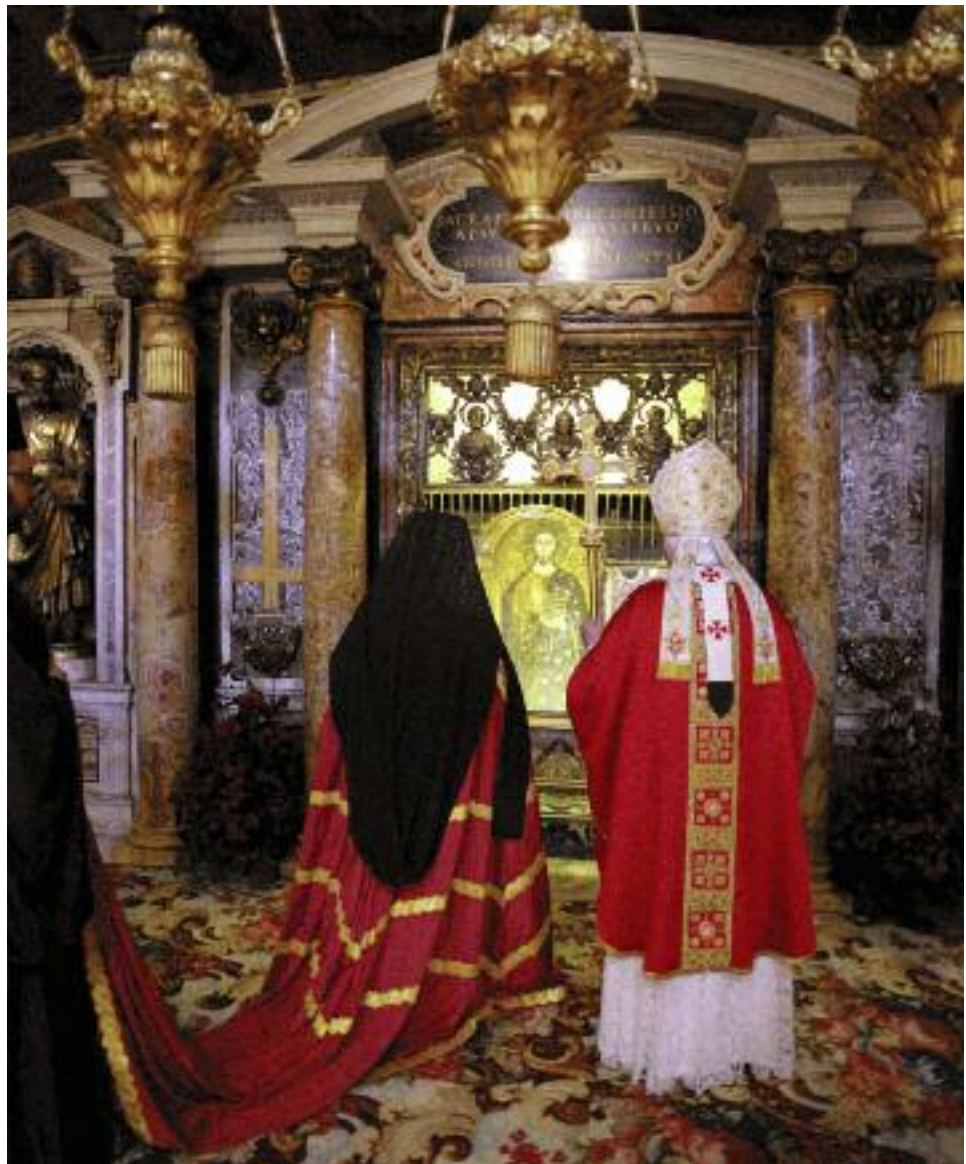
Но представляется, что, как минимум, в качестве некой гипотезы это стоит принимать во внимание в ситуации кризиса и упадка той или иной империи.

Иными словами — хочешь восстановить империю, созданную некогда неким имперскообразующим народом, найди народ, который продолжит его дело. Даже если первый народ пытается сопротивляться возрождению собственного детища. Или найди способ вернуть этому народу его историческую энергию — но в рамках новых, иного типа энергообразующих процессов.

Но только не потакай его усталому стремлению помешать этому возрождению.

Византизм как агония

В силу известных аналогий интерес к такой достаточно вторичной в исторической сознании теме, как судьба Византийской империи, наверное,

Западному христианству удавалось вновь и вновь переносить имперское пламя на новые народы, из которых многие в некой исторической очереди перенимали эстафету имперского строительства. Восточное христианство шаг за шагом теряло народы, подпадавшие под его влияние.

на некоторое время будет заметно активизирован. И в общем-то это, конечно, хорошо. Это хорошо как потому, что тема сама по себе достаточно интересная и романтическая, так и потому, что действительно есть из чего извлекать определенные уроки. Ну, действительно, была Римская империя, основа нынешней европейской цивилизации, империя, наполненная пафосом и героизмом, со всеми своими культурными дости-

жениями — и пала, предварительно разделившись на две половины.

Обе эти половины пошли разными путями — и обе пали. Есть простор и для анализа, и для сравнений, и для рефлексий.

Два пути — и оба привели к поражению. Та часть, которая пала раньше, практически возродилась в виде последующей европейской цивилизации, а та, которая стояла еще тысячу лет, ушла в историческую па-

Павел Рыженко. Валаам. 2001

Российский Третий Рим – это не возрождение Второго, Восточного, а создание совсем нового. Мусульманский Стамбул в каком-то смысле (но в каком-то) куда больше можно считать продолжателем Византии, чем Москву, ставшую центром и основой во многом вообще другого мира.

мать. Поскольку все же российский Третий Рим – это не возрождение Второго, Восточного, а создание совсем нового. Мусульманский Стамбул в каком-то смысле (но в каком-то) куда больше можно считать продолжателем Византии, чем Москву, ставшую центром и основой во многом вообще другого мира.

Падение Византии и все проблемы так и не поднявшейся еще из глубины падения 90-х годов России – в чем-то дают повод для сопоставлений.

Но все же – это очень разные сюжеты.

Реминисценции на тему того, как могла пасть такая славная

византийская цивилизация, заведомо заглушивают тот простой факт, что все ее существование есть история ее падения. Высшая точка ее могущества – это шестой век, правление Юстиниана, когда ему удалось не только закрепить внутреннее положение державы, но и вернуть ей многие земли прежней Римской империи, захваченные варварами.

Но этот век – это собственно еще не Византия, это – Восточная Римская империя. Затем опять шаг за шагом у нее начали отбирать ее владения. Лангобарды отобрали разоренную войной Италию, арабы – Ближний Восток и Африку.

Вот здесь и началась история собственно Византии. Если Восточная Римская империя – это боровшаяся за свое восстановление Римская империя – и боровшаяся вполне достойно, хотя иногда и с общим негативным результатом, – то Византия – это обворованная Восточная Римская империя. Она уже – вообще не Римская, а скорее Греческая империя. Но греки в свое время потому и уступили первенство Риму в основанном ими мире, что не были готовы сохранять наследие своего героического периода, удержать завоевания Александра Македонского. И для того, чтобы наследовать его могущество, потребовался Юлий Цезарь.

Облагороженный эллинистической культурой, Рим век за веком расширял свои границы. Византия, опиравшаяся на эллинистическое наследие

в соединении с христианством, век за веком теряла свои территории.

И Западная, и Восточная Римские империи присягнули христианству. Запад пал, Восток тысячу лет противостоял падению.

В чем было различие? Во многом. Но в большой степени в том, что Константинополь опирался на зону развитого позднего эллинизма. И когда более молодые народы начали отбирать у него эту зону, уже они черпали из нее свою силу. Что такое халифат? Взбодренный энергией молодого арабского этноса мир эллинизма. Когда иссякли силы Византии в ее противостоянии собственному упадку? Когда она утратила эллинистические территории и эллинистическое наследие.

Когда после ударов арабов Византии удалось возродиться и вернуть себе Ближний Восток? Когда к власти пришли представители классических зон эллинистического наследия — сначала Исаурийская, а потом Македонская династии. Когда начался новый упадок? Во времена сначала Комнинов, а потом Палеологов — то есть во времена правления аристократии центральных греческих зон.

Есть при определенном настрое мысли известный соблазн объяснить то, что сохранял Константинополь из своих успехов, соединением Римской государственности и Христианской церкви.

В основном этот соблазн опирается в лучшем случае на опыт Юстиниана. Хотя тоже с определенными вопросами. Но величие Юстиниана тратилось уже его наследниками. Когда в 717–718 годах арабы в третий раз осадили Константинополь, его спасение можно, конечно, приписать молитвам верующих. Но, скорее всего, оно все-таки было связано с болгарскими войсками, при-

Христос, благословляющий Константина Багрянородного. Около 945

К Македонской династии принадлежал и знаменитый Константин Багрянородный. Именно на время правления этой династии выпало крещение Руси – пожалуй, единственный серьезный успех Константинопольского патриархата.

1204 год, взятие Константинополя крестоносцами – а не взятие его турками двумя с половиной веками позже – можно считать годом падения империи. Восстановленная в 1261 году Византия Палеологов – это уже явная пародия.

шедшими на помощь своему союзнику. В этот период вообще именно славяне спасали империю и дали ей несколько лишних веков жизни.

В V–VI веках Восточная Римская империя выстояла и окрепла не столько за счет истовой веры, сколько за счет того, что именно на Востоке была сосредоточена масса еще свободных крестьян, ставших основой армии Юстиниана. Точно так же в VII–VIII веках ранее потрепавшие империю славяне, прорвав оборонительные рубежи, заселили Балканы и пополнили свободное крестьянское население, а следовательно – основу ее новой армии.

Лев III Исавр и его преемники обеспечили безопасность империи. Но при этом вступили с Церковью в почти столетний конфликт, когда они поняли ее бесполезность для дела защиты страны. Если в тот момент в Византии Православная церковь в чем-либо и сыграла роль, то, пожалуй, в том, что, с одной стороны, стала прибежищем аристокра-

тической оппозиции сильной императорской власти, а с другой – своим непониманием настроений народа вызвала массовое движение павликиан, потрясшее вновь основы государственности.

Последний славный период расцвета Византии – это Македонская династия (от середины IX века до середины XI века), то есть примерно до раскола Западной и Восточной церквей. Но эта лебединая песня империи основывалась не на преодолении конфликта между иконоборцами и иконопочитателями, а скорее на капитуляции Церкви перед светской властью.

Но капитуляция Церкви, прекращение ее сопротивления императору как раз и создали – вместе с расцветом торговли и попытками новой династии защитить имущественные интересы свободных крестьян – основу последнего относительно успешного периода. В ту пору Константинополь еще более укрепился как торговый центр, а Македонцы возвратили Кипр,

Крит, Сирию с Антиохией и Балканы, присоединив Сербию и Болгарию. Балканы, между прочим, возвратили себе с помощью древнерусских языческих дружин.

Тогда же имел место и последний расцвет культуры Византии. Кстати, к Македонской династии принадлежал и знаменитый Константин Багрянородный. Именно на время правления этой династии выпало крещение Руси – пожалуй, единственный серьезный успех Константинопольского патриархата.

А затем наступил растянувшийся еще на четыре века конец.

В 1057 году к власти пришла династия Комнинов.

И пошла потеря за потерей. До 1204 года Византия Комнинов агонизировала в противостоянии и исламу, и католицизму. 1204 год, взятие Константинополя крестоносцами – а не взятие его турками двумя с половиной веками позже – можно считать годом падения империи. Восстановленная в 1261 году Византия Палеологов – это уже явная пародия. Даже уния 1439 года с Римом не смогла продлить ее существование. И 29 мая 1453 года – это не падение Византии, а скорее восстановление

Борис Ольшанский. Твой щит на вратах Цареграда. 2006

Восточной Римской империи под властью полумесяца. Как говорил командующий византийским флотом Лука Нотара: «Лучше видеть в Константинополе турецкую чалму, чем папскую тиару».

Кстати, турки лишь потому не взяли Второй Рим еще на пятьдесят лет раньше, что Баязида разгромил Тимур, а затем наследники султана несколько десятилетий выясняли между собой, кто именно из них получит честь овладеть им.

Не хочется излишне абсолютизировать предлагаемую провокационную точку зрения, отличающуюся от традиционной трактовки. Но ведь получается, что христианская религия если что-либо и делала в плане ее взаимоотношений с римской цивилизацией, то только лишь способствовала ее ослаблению и разрушению. Во всяком случае — Восточная христианская церковь. Рим

Тысяча лет Византийской империи — это тысяча лет ее агонии. И в этом смысле византизм — именно византизм, а не остаточный эллинизм и Восточный Рим — это агония, причем не просто агония, а агония как концентрированная идея умирания, отказавшегося от обновления и развития.

успешно крестил народы Европы и одного за другим превращал их в носителей имперской идеи, Константинополь может похвастаться только крещением славян и наследовавшей ему Россией.

Это — немало. Это — даже много.

Но папы сохранили Рим, а патриархи не сохранили Константинополь.

Все народы, пытавшиеся прибегнуть к защите Византии и ее патриархов, оказались в иноземном и иноверном порабощении.

Собственно одно, пожалуй, счастливое исключение — это Русь. И то, возможно, потому,

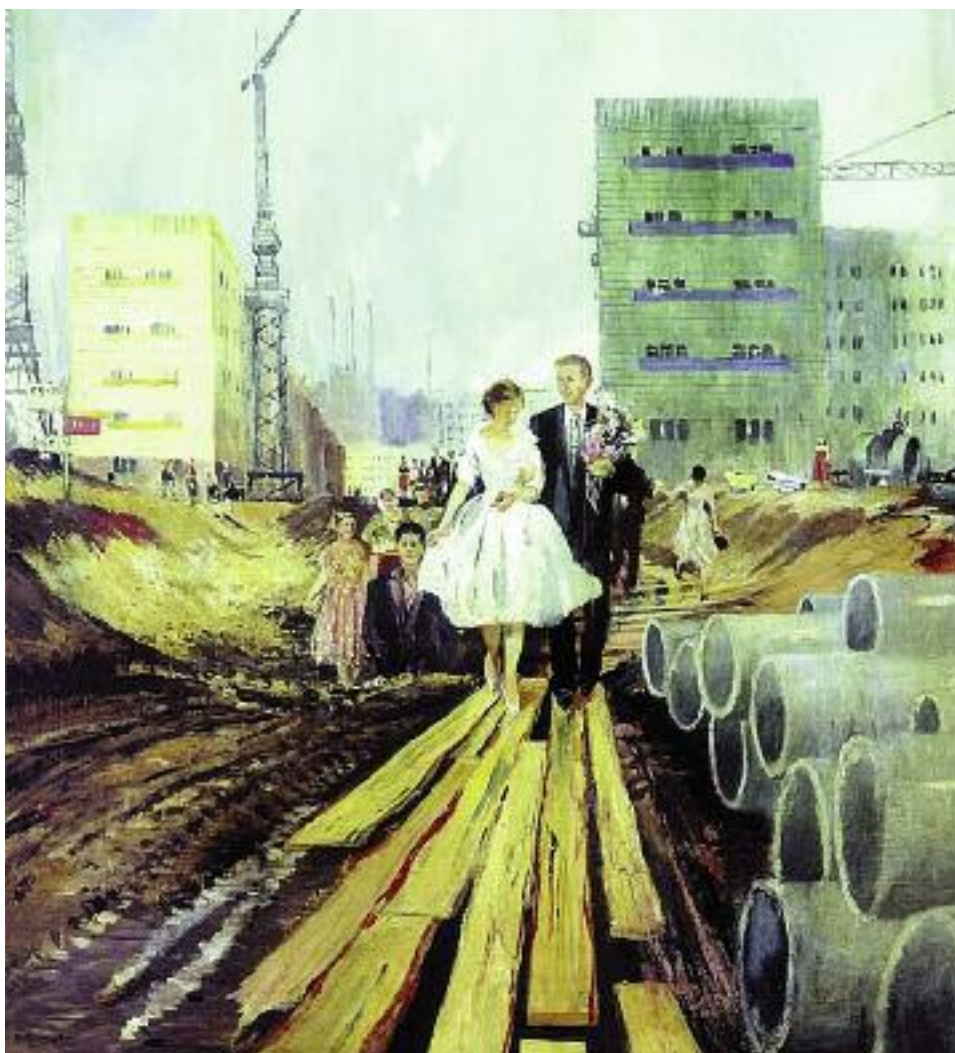
что, быстро смекнув, что к чему, Ярослав Мудрый дал понять патриархам, что он о них думает, назначив своей властью Илариона первым русским митрополитом.

Тысяча лет Византийской империи — это тысяча лет ее агонии.

Можно при желании полагать, что эта тысяча лет — время чудесного стояния Восточной христианской церкви в борьбе с иноверцами.

Может быть, это тысячелетие, когда, теряя силы и лишаясь источников их пополнения, мир позднего эллинизма удерживал остатки древней цивилизации в борьбе с насту-

Юрий Пименов. Свадьба на завтрашней улице. 1962

В противопоставлении проекта – жизни в первом случае ты живешь «для того, чтобы», а во втором – «потому, что». Первое требует напряжения – второе ничего не требует. С очень большой долей условности можно сказать, что именно в империях живут народы, а вне их – в лучшем случае нации.

павшим варварством — одновременно это варварство цивилизуя?

И в этом смысле византизм — именно византизм, а не остаточный эллинизм и Восточный Рим — это агония, причем не просто агония, а агония как концентрированная идея умирания, отказавшегося от обновления и развития.

Кстати, что в истории России есть отбрасывание принципа византизма? Петр Великий. А что есть обращение к этому принципу? Николай I.

То есть, в конечном счете, верно, что обращение к истории

гибели Византии имеет смысл и основание как вообще, так и с точки зрения современной русской истории. Только, как было в данном случае эскизно показано, выводы из такого обращения можно сделать противоположные.

Народ и империя

Есть простой способ их уничтожить: противопоставить. Как только мы зададим вопрос, что важнее — народ или империя, мы встанем перед вполне естественным и обоснованным соблазном признать, что народ важнее. Пото-

му что люди, в конце концов, всегда важнее учреждений, государства, тех или иных структур, которые и создаются-то только для того, чтобы служить людям.

Признав же, что народ важнее империи, мы заявляем о готовности жертвовать империей ради народа. То есть, если возникает устойчивое мнение, что народ более не хочет жить в империи, мы говорим, что империя необязательна, что для того, чтобы малые народы могли отделиться, а большой имперскообразующий народ мог отдохнуть, можно отказаться от существования империи. В данном случае сознательно используется термин «народ», а не «нация» или «этнос». Чтобы уйти от нынешних споров, в которых делаются попытки без особых опровержений отбросить простую истину, что нация — не вечная категория, а историческая общность, в которой главным является экономический компонент. То есть нация — это лишь то, что существует последние 400–500 лет. Строго говоря, нация — это субъект буржуазной модернизации. Тот, кто отстаивает вечность существования нации, отстаивает вечность существования капитализма.

Разумеется, националисты этого никогда не признают и будут спорить с этим до потери пульса. Чтобы не углубляться в этот спор, речь и ведется о народе. Точно так же неточно было бы говорить об этносе, потому что это сужало бы понятие до племенного уровня, до уровня только биологической общности. Термин «народ» в данном случае используется как более отстраненный, общий и относительно бесспорный.

Итак, если народ важнее империи, то от империи можно отказаться, лишь бы было хорошо народу: не пришлось бы гибнуть в войнах за це-

Иппарион Прянишников. Шутники. Гостиный двор в Москве. 1865

лостность империи либо не потребовалось бы подавлять тягу к иной форме существования, когда он в какой-то момент не захочет больше жить в империи.

Если народ — нечто биологическое, скрепленное исключительно (или в первую очередь) законами генетики, а империя — лишь империя-1, то есть большое многонациональное государство, основанное на завоеваниях, это относительно понятно. Хотя на самом деле и в такой империи народ, кладя свои головы за экспансионистские устремления элиты, в определенной — и немалой — степени получает весьма существенную плату в виде повышения собственного благосостояния за счет богатств, извлекаемых из колоний. Так, расцвет Британской империи во второй половине XIX века позволил ей избежать революции, поскольку дал сред-

Народ, отказавшийся от проекта, в лучшем случае остается населением. Потому что проект, кроме всего прочего, есть еще и идентичность народа, и его смыслы, и все то, за что составляющие его люди готовы умирать. Народ состоит из людей. Население — из биологических особей.

ства откупиться от экономических требований рабочих.

Но дело, в конце концов, не в этом. Все-таки сегодня, когда в тех или иных спорах или рефлексиях используется слово «империя», речь идет не об «империалистском государстве», а об обширном государстве, объединенном проектом. То есть в первую очередь вообще о такой характеристике, как проектное существование. И если мы ставим вопрос, что важнее — проект или народ, баланс уже оказывается не таким определенным.

Да, в любом случае для народа всегда по-своему важнее всего жить, существовать. И если принести народ в жертву —

империи или проекту, — народа просто не будет.

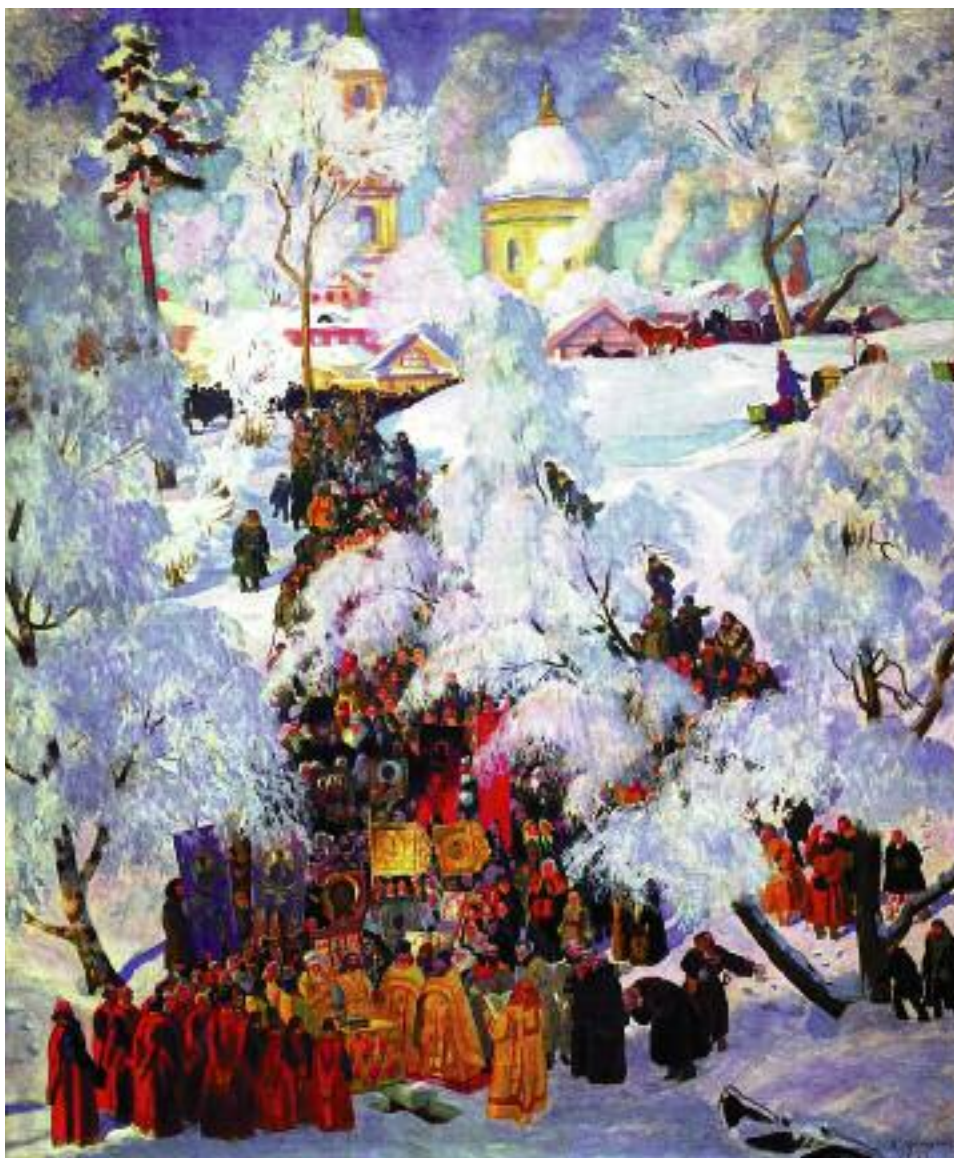
Но в том-то и есть некое противопоставление проекта — жизни, что в этом противопоставлении, насколько оно вообще осуществимо, в первом случае ты живешь «для того, чтобы», а во втором — «потому, что».

Первое требует от тебя напряжения — второе ничего не требует.

С очень большой долей условности, но можно все же сказать, что именно в империях живут народы, а вне их — в лучшем случае нации.

То есть отказ народа от империи — это действительно его превращение в нацию. И это

Борис Кустодиев. Зима. Крещенское водосвятие. 1921

Раз возникнув, империи и проекты обладают большей ценностью, нежели их создатели. И гибель народа — что страшно — уже не равнозначна гибели проекта. Потому что, возникнув, проект существует как вариант мироустройства, он сам есть инобытие мира, его потенциальная реальность.

есть в известном смысле смерть народа. Потому что в таком случае уходит вот это самое «для того, чтобы».

Как человека от животного, в конце концов, отличает то, что у него есть нечто, за что он в принципе может умирать, нечто большее его биологического существования. И потому человек, отдавший жизнь за это свое большее, есть человек, а человек, отказавшийся от большего, есть животное. Народ, отказавшийся от про-

екта, в лучшем случае остается населением. Потому что проект, кроме всего прочего, есть еще и идентичность народа, и его коллективное «Я», и его смыслы, и все то, за что составляющие его люди готовы умирать. Народ состоит из людей. Население — из биологических особей.

И когда идентичность народа выводят из законов наследственности, а не из проекта, культуры, смыслов, традиций, как и их развития, обращенно-

сти в будущность, народу отводят роль совокупности биологических особей.

Вполне резонен вопрос, почему собственно лишь империя признается формой существования проекта? Почему такой формой не может быть некое малое достойно существующее государство, где мирно и спокойно проживает одна относительно небольшая нация, верящая в своих богов и чтящая свою традицию?

В известном смысле — может, потому что иначе всех жителей подобных стран пришлось бы отнести к животным, что, конечно, несправедливо.

Но тогда, на самом деле, мы имеем два варианта.

Либо перед нами государство-заповедник — государство, которое мировые держатели проектов сохраняют как некое подобие домашних животных или рекреационных зон отдыха хозяев проектов. Призыв создать «Республику Русь» где-нибудь на базе Суздаля или Звенигорода (или даже «пяти русских областей») — и есть призыв к такому существованию в качестве экзотики для туристов. Кстати, экзотики, довольно сытной. То есть, по большому счету, это никакие не «национальные государства» — это туземные бандустаны.

Либо в другом случае — это тоже никакие не «национальные государства», это автономные зоны того или иного большого проекта. То есть — чужой империи. Империя — она на то и империя, чтобы в ней могли существовать вассальные княжества и герцогства.

В этом отношении призыв к отказу от империи и созданию из ее осколков «национальных государств» — это призыв принять чужой проект и стать относительно автономной территорией чужой империи.

Нужно отметить еще два нюанса. **Первый** — почему национальное государство не

может быть самодостаточным, выступать обладателем собственного проекта. И второй — почему империи необходима многонациональность.

Если народ является обладателем проекта, возникает вопрос о качествах этого проекта. Проект — это некая претензия на универсализм, это представление миру модели бытия, претендующей на некую абсолютность и высшую истинность. И эта претензия либо должна подтверждаться, либо опровергаться. Проект измеряется, в частности, степенью готовности людей умирать за него. И его значимость должна быть подтверждена. В частности тем, готовы ли и другие народы принять его и умирать за него.

Если да — проект получает подтверждение в виде принятия его другими. И тогда он не может быть моноэтническим или мононациональным (если речь не идет о некоей полиэтнической сверхнации наподобие советской).

Если проект остается уделом лишь одного народа — значит, он непривлекателен, не обладает универсализмом и никому кроме этого народа не нужен. И тогда он не проект, а устав заповедника.

Проектность подтверждается многонациональностью — то есть привлекательностью и для других. И получая такое подтверждение, проект доказывает, что он способен к интеграции, что он больше, чем исключительные особенности одного народа. Любая самая оригинальная и интересная культура одного народа может быть всего лишь исторической случайностью. Проект, объединяющий многие народы, — всегда закономерность существования мира и полноценный вариант его бытия.

Он может не быть единственным, а, столкнувшись с другим проектом, погибнуть в борьбе. Но, приняв участие в

такой борьбе, он уже доказывает свое право в принципе быть вариантом устройства жизни для всех.

Когда же мы говорим, что народ важнее империи и что народ не может приноситься в жертву отвлеченным химерам, мы лишь признаем, что видим химеру в смыслах как таковых, и не признаем существования ценностей, за которые готовы отдать свою жизнь. То есть — не признаем себя людьми.

Народы создают империи. Конечно, в рамках этих народов есть классы, и, в конце концов, проекты народов — это проекты доминирующих в них классов. Но это — другая сторона дела. Приняв проект того или иного класса, народы, следуя им, создают свои империи. Ни проект, ни империя не могут возникнуть без народа-основателя. В какой-то момент тот или иной народ может отказаться от своего проекта и устать держать свою империю.

Но, раз возникнув, империи и проекты обладают большей ценностью, нежели их создатели. И гибель народа — что страшно — уже не равнозначна гибели проекта. Потому что, возникнув, проект существует как вариант мироустройства, он сам есть вариант, инобытие мира, его потенциальная реальность. А потому равновеликим проекту становится уже не народ, тем более упавший до уровня населения, а мир.

Причем если что-либо и способно поднять народ, отрекшийся от собственного проекта — то есть от своей идентичности, — обратно до прежнего уровня, то это лишь сам проект. И в этом смысле проект, или империя — это душа народа, а население — его тело. Народ, отрекшийся от проекта, — это тело, отрекшееся от души.

Говорить, что народ важнее империи, — это все равно что

сказать, допустим, что жизнь человека — важнее его свободы, достоинства и чести.

Пресловутая и мерзкая фраза времен горбачевщины: «Ничего нет важнее жизни человека», — в конце концов, означала одно: ее авторы оправдывают спасение жизни ценой любой мерзости и любого предательства.

Если жизнь важнее всего, то куда лучше гнить рабом на похлебке, которую приносит надсмотрщик, чем погибнуть, восстав против рабства.

Только, как правило, те, которые говорят такие вещи, рассчитывают не на место раба, а, как минимум, на место капо в бараке — место, которое им определяют в оплату за их обоснование собственной капитуляции.

Точно так же и те, которые зовут к отказу от империи ради процветания в «национальном бантустане», подобно коллаборационистам времен Второй мировой, всего лишь рассчитывают на роль главы местного туземного самоуправления — роль, которую им выделяют эмиссары другой империи.

Империя — это не ругательство. Империя — это определение. Жизнь в рамках проекта. Жизнь, наполненная ориентирующими смыслами. Империя есть там, где имеется проект, претендующий на универсализм. Там, где люди живут в рамках проекта, они становятся народом. Там, где они от него отказываются, они обращаются в население. А народ, отказавшийся от имперского призвания и имперскообразующего вызова, перестает быть народом. Теряет права народа. И потому — теряет права субъектности, обретая исключительно обязанность объекта субъектных притязаний на имперское строительство иного народа, который от таких прав и от такого призвания не отказался.